

Советская культура, 16 янв. 1962

## НАЗЫМ ХИКМЕТ

— это очень емкое имя. Мы производим его и думаем о том, как человек должен драться за то, во что он верит, и как семнадцать лет тюремной одиночки бесильны перед верой настоящего коммуниста. А Хикмет — прежде всего коммунист, и все, что сделано им в жизни и в искусстве, освещено огнем той справедливой социальной идеи, которой он с юности безраздельно отдал свое сердце.

Его партийная борьба была его поэзией, и его поэзия стала его партийной борьбой. Хикмет — это огромный и прекрасный мир стихов, гордых и простых, светлых и трагических, написанных человеком, который, по мысли Ромена Роллана, обладает героизмом видеть жизнь нашей планеты такой,

# МОЛОДОСТЬ ХИКМЕТА

какая она есть, и все-таки любить ее.

Для него мир — это и могучие исторические потрясения, и роса на лепестках розы, и стакан холодной воды из колодца, и человеческое братство, и свет далекой звезды, и прекрасное лицо любимой. Так он понимает борьбу за мир, делает все, что в его силах, для того, чтобы вместе с миллионами сторонников мира спасти планету от водородной бомбы. Назым Хикмет — это и своеобразнейший театр, это много любимых нами пьес, в которых живет мощное дыхание народной сцены и вся сложность «изобретений» современной интеллектуальной драмы, в которых политика неразлучна с лиризмом и юмором, и все это служит тому, чтобы человек наших дней лучше понял себя, свой долг, свою судьбу. Хикмет — это еще и очень много городов, в которые он просто вошел как часть их жизни. Это Стамбул и Варшава, Париж и Вена, Стокгольм и Прага, его любимая молодая Гавана и его главный город — Москва, город его революционной юности и зрелости, город, который сам Назым называет «родиной родин».

Больше десяти лет тому назад, когда его местожительством еще была турецкая тюрьма, я, как и мы все, знал и любил его стихи, волнуясь, следил за его голодовкой, и на наших митингах вместе со всеми кричал: «Свободу Назыму Хикмету!».

Он был тогда для нас и человеком, и легендой. Потом по делам театра я встретился с ним в Москве. То впечатление, которое возникло у меня тогда от этой мимолетной встречи, в сущности, лишь расширилось, утверждалось и подтверждалось за все эти годы.

Квартира была полна людей... Это был и дом поэта, полный картин, книг, веселых народных игрушек, которые он очень любит, и в то же время это напоминало кулуары или штаб какого-то международного конгресса: Хикмет диктовал что-то на машинку, тут же работали его переводчики; здесь же находились и журналисты, и приехавшие из-за рубежа друзья-коммунисты, и наши студенты, и какой-то художник из Франции, и молодые

рабочие поэты из какого-то заводского литобъединения. Люди — это воздух, которым живет Хикмет и как поэт, и как деятель, и как человек. Я видел Хикмета тяжело больным, когда он четыре месяца боролся со смертью, и тогда лучшим лекарством для него были люди. Врачи требовали, чтобы он медленно и осторожно ходил по улице, ни на минуту не забывал о своем сердце, а он начал летать на самолетах, махнул в Гавану и стал чувствовать себя неизмеримо лучше, ибо ничто так живоительно не действует на поэта, как воздух революции.

Как режиссер я ставил его пьесу «Чудак». Пьеса начинается так: на дороге лежит камень. По отношению к этому камню проверяются характеры персонажей. Одни норовят аккуратно подложить этот камень под ноги ближнего, другие считают, что уборка камней — это дело муниципалитета и их лично совершенно не касается, и только настоящий человек убирает с дороги камень, чтобы люди не споткнулись. К таким людям принадлежит и Хикмет. «Человек для людей», «человек для всех», он всегда озабочен тем, чтобы вовремя убрать камень с дороги, камень равнодушия, камень пошлости, камень войны.

Его касается все. Он жил и живет у нас не как важный, заслуженный гость, а как человек, которого кровно интересует все, что несут в себе наши будни и праздники. Он может часами яростно спорить об архитектуре дома, которая кажется ему старомодной, или о картине молодого художника, горячо отстаивая или отрицая ее. С равным темпераментом он спорит о новом театре, ищет какое-нибудь редкое лекарство для друга и ведет политические дискуссии на конгрессе в Стокгольме. Для него это, в сущности, одно и то же. Речь идет о человеческом счастье.

Я мог его видеть иногда ошибающимся, но никогда не видел равнодушным. Хикмету исполняется 60 лет. Это, конечно, недоразумение. У поэтов и борцов — свое, особое летоисчисление, и молодость Хикмета ни у кого не вызывает сомнений.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.